

Доктор Лесли Аллен, Плач, Сессия 5, Плач 2: 1-22

© 2024 Лесли Аллен и Тед Хильдебрандт

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это пятая сессия, Плач 2:1-22.

В этом видео мы должны просмотреть всю главу 2, и было бы хорошо дать быстрый анализ ее различных частей и посмотреть, кто говорит.

На протяжении большей части главы наш главный оратор в главе 1, или наш наставник, продолжает говорить и заменяет Сиона, который говорил в конце главы 1. Но здесь, в стихах с 1 по 10, наш наставник говорит о Иерусалиме и Иуде о том, что Бог сделал с ними во время недавней трагедии падения Иерусалима и Иуды. И затем, в стихах с 11 по 19, наставник теперь говорит с Сионом о трагедии, и к Сиону обращается это слово. И в конце этого раздела, в стихах 18 и 19, наставник призывает Сион молиться.

И наконец, в стихах с 20 по 22, Сион действительно молится. Просматривая главу 2 в целом, мы замечаем, что она имеет литературную основу, и это мотив дня Господня, с которым мы уже встречались в конце главы 1. В первом стихе говорится о дне Его гнева, а затем в стихе 22 день гнева Господня. Итак, существует литературная основа и обращение к пророкам до плена как к основной интерпретации трагедии падших Иуды и Иерусалима.

И потом, по жанру стихи с 1 по 10 явно представляют собой погребальный плач. Все начинается с того, как этот вопль вызывает эмоциональную реакцию, прежде чем она переходит к более рациональному мышлению. И этот рациональный образ мышления говорит о горе как о потере как о развороте между нормальным состоянием Иерусалима в прошлом и серией аномалий, которые пережил Иерусалим.

Но, как мы видели раньше, это не обычный похоронный плач; оно не является чисто светским, но оно включает в себя Бога, и, по сути, оно главным образом связано с участием Бога. Итак, это адаптация похоронного причитания. Но по сути, оно состоит из горя как описания потерь, которые понес Иерусалим в результате вмешательства Бога.

Тогда мы сможем мыслить в терминах процессов горя, психологических процессов, которые здесь происходят. И прежде всего это само горе в более узком смысле реакции на потерю. И особенно в 1 к 10 есть размышления о смысле трагедии, о богословском факторе, в котором сильно подчеркивается ответственность Яхве.

В-третьих, реакция траура упоминается в конце стиха 5, а также упоминается в стихе 10. Этот последний фактор помогает нам разделить стихи с 1 по 10 на две части: с 1 по 5, а затем с 6 по 10. С 1 по 5 описываются бедствие, сотворенное Яхве, заканчивающееся в конце 5-го стиха страданиями, которые оно причинило.

И затем в 6-м стихе снова рассказывается о бедствии, которое навел Яхве, а в 10-м стихе – о страданиях, которые он причинил. Траектории, о которых идет речь, очевидно, связаны с горем в виде утраты и скрытой виной, поскольку Иерусалим и Иуда являются жертвами Божьего наказания. В стихе 1 главный оратор подхватывает мотив того дня Господня, которым Сион открыла свою первую речь в главе 1 и стихе 12.

И вот он берет на себя ее пророческое объяснение этой трагедии. Большая часть содержания пророчеств до плена была негативной и говорила о грядущем Божьем суде. И одним из мотивов его описания был день Господень, время, когда Бог вмешается и устроит ужасное возмездие за свой народ, согрешивший против него.

В 1-й главе, 12-м стихе гнев ассоциировался с гневом Бога в день Его лютого гнева. Наставник снова улавливает эту связь гнева с днем в конце стиха 1, в день своего гнева. И гнев, как мы обнаружим, является очень характерной чертой.

Оно повторяется снова и снова, в буквальном смысле или с синонимами. Синонимы. Мы находим гнев во втором стихе. Мы находим жестокий гнев в стихе 3. И так далее.

Мы находим ярость, подобную огню, в стихе 4 и неистовое негодование в стихе 6. Итак, это очень характерная черта, это раскрытие этого аспекта гнева, и нам нужно будет об этом подумать. Мы видели, что день Господень был, действительно происходит, определенно происходит у пророков до плена. Я не помню, упоминали ли мы в Софонии, что это связано с гневом. Пророк Софония связывает этот день Господень с гневом.

Да, я говорил об этом, Софония 1:14, великий день Господень близок, и в стихе 15 говорится, что этот день будет днем гнева. Итак, во всей этой трактовке мы вернулись к пророкам до изгнания, и здесь делается заявление о том, что пророчество исполнилось. Итак, гнев доминирует в этом первом разделе.

Давайте подумаем о Божьем гневе. Мы не особо об этом думаем. Божественный гнев, если мы вообще о нем задумываемся, мы противопоставляем его Божьей любви, и мы правы, поступая так, потому что само Священное Писание делает это.

Мы думаем о 3-й главе Иоанна, а их три, и там есть два важных стиха для нашего рассмотрения. Иоанна 3:16: Бог так возлюбил мир, что отдал своего единственного сына, чтобы каждый, кто верит в него, не погиб, но имел жизнь вечную. Но Иоанна 3:36 раскрывает нам теневую сторону этого обещания.

Верующий в Сына имеет жизнь вечную; тот, кто не повинуется Сыну, не увидит жизни, но должен будет претерпеть гнев Божий. И вот мы имеем: любовь против гнева. Кажется, в наши дни мы никогда не слышим проповедей о Божьем гневе, но мы много слышим о Божьей любви. Библия более сбалансирована.

Есть пара терминов, полярных терминов: любовь или гнев. Да, они поляризованы, в каком-то смысле они параллельны, но они радикально различны, не только в отрицательном и положительном смысле, но и в других отношениях. Любовь — обычный атрибут Бога, гнев — нет.

Гнев — это реакция на человеческую провокацию. Если бы не было человеческой провокации, Бог никогда бы не разгневался. Божественный гнев — это моральная реакция Бога на человеческие проступки во имя справедливости.

Это не иницирующий фактор, а реактивный фактор. В нашем первом видео мы ссылались на описание падения Иерусалима в 2 Царств 25 и видели, что это в основном историческое повествование, но да, это 24 и 25 главы. В конце 24 стиха есть теологическое описание. элемент, внесенный мимоходом, но он так важен; это то, что редакторы разъясняли ранее в этой эпической истории.

2 Kings 24 20 Иерусалим и Иуда так прогневали Господа, что Он изгнал их от лица Своего, и поэтому падение Иерусалима есть пример гнева Божия. И наш наставник здесь согласится, что это так. В первой части «Плача 2» есть еще одно ключевое слово — «уничтожить», «уничтожить».

Это тоже негативный термин, который очень хорошо сочетается с гневом, но здесь проявляется проявление гнева. В стихе 2 Господь разрушил, а в стихе 5 Он уничтожил. Мы находим это дважды, а затем в стихе 8, разрушая.

И вот, по сути, вот результат этого гнева в разрушении. Поразительной особенностью стихов с 1 по 7 является то, что Бог является субъектом. Бог представлен в отрицательном смысле.

В большинстве этих предложений Бог является подлежащим глаголом разрушения, а часть Иерусалима или Иуды является объектом этого разрушения. И это не случайность, это действительно связано с чем-то, что мы

находим у пророков до изгнания. Здесь я имею в виду способ речи пророков, который мы называем оракулом бедствия или оракулом суда.

Это состоит из двух или даже трех составных частей, и все начинается с объяснения причины. Почему Бог должен наказывать свой народ или столицу? Приводится причина, а затем объявление, и во второй половине двух разделов говорится о божественном вмешательстве в негативном ключе. Бог что-то делает, и я что-то сделаю. Сделай что-нибудь плохое, и тогда это говорит о человеческих последствиях.

Снова и снова мы обнаруживаем, что эта формула оракула катастрофы используется снова и снова. И я просто прочитаю один пример, Амос, главу 2, стихи 4 и 5. Так говорит Господь: за три преступления Иуды и за четыре Я не отменю наказания, потому что они отвергли закон Господень и не соблюдали свои постановления, но были сбиты с пути той же ложью, по которой ходили их предки. Вот в чем причина.

Но теперь мы подошли к объявлению. Во-первых, есть божественное вмешательство, а затем человеческие последствия. И пошлю огонь на Иуду, и он пожрет твердыни Иерусалима.

И этот элемент в этом пророческом образце: «Я пошлю огонь на Иуду», это то, что поднимается во 2-й главе «Плача» в этих ранних стихах с той лишь разницей, что это сообщение о вмешательстве Бога, и поэтому вместо «Я» это Сам Господь отвечает в третьем лице. Итак, «Плач» снова здесь, вырывая лист из пророческих книг, и этот стиль речи ассоциируется с пророческими предсказаниями о катастрофах. Итак, это еще одно подтверждение пророческого откровения.

Эти оракулы катастрофы с этим негативным вмешательством, личным вмешательством Бога. Это произошло. Вот.

И это, к сожалению, сбылось. Очень часто нужно взглянуть на предысторию «Плача», чтобы правильно его интерпретировать. Очень многое в «Плачах» имеет культурный контекст, который нужно ценить.

Итак, теперь мы можем понять тон того, что говорит наставник. Он рекомендует прихожанам свою интерпретацию проигранной войны против Вавилона с теологической точки зрения с точки зрения вмешательства Бога в эту национальную ситуацию. Итак, в первом стихе мы имеем ссылку на Иерусалим, говорящий о Сионе.

Но большая часть первой части говорит об Иудее в стихах с первого по пятый, кроме первого. Но затем, через шесть-десять, он хочет поговорить об Иерусалиме, и возникает дифференциация. Но он начинает с Сиона.

Как Господь в гневе своем унизил дочь Сион. Некоторая неопределенность относительно этого перевода, но мы не будем вдаваться в подробности этого глагола. Дочь Сион.

И снова Сион олицетворяется женщиной. Он сбросил с неба на землю великолепие Израиля. Он не вспомнил о подножке своей в день гнева своего.

Великолепие Израиля и подножие для ног я интерпретирую здесь как метафоры Сиона, учитывая только что упомянутую дочь Сиона. Великолепие Иерусалима заключается в том, что он был славным центром Израиля и важным центром Иудеи и был подножием его ног. Первоначально ковчег считался подножкой для ног Бога.

Образ присутствия Бога, религиозное присутствие Бога. Но теперь это применимо и к городу. Сам Бог присутствовал в этом городе.

Но он не помнит своей подставки для ног. Это не означает, что здесь не идет речь об истекшей памяти. Но речь идет об игнорировании, выбрасывании из головы всей ситуации с этой особой ролью Иерусалима и поведении совершенно иным образом.

В стихе 2 Господь безжалостно разрушил все жилища Иакова. Это звучит ужасно, но мы должны помнить, что на самом деле это отголосок пророческих речей до плена. Это без жалости, без жалости.

Это встречается несколько раз у пророков до изгнания. Например, в 30-й главе Исаии и 14-м стихе в NRSV есть слово «безжалостно», но, строго говоря, оно означает «без жалости» или «без милосердия». И это выражение из главы 2, оно встречается несколько раз.

Это произойдет снова в стихе 17. Итак, это еще одно из этих ключевых слов. В стихе 17 его уничтожают без жалости.

К сожалению, NRSV теперь меняет свой перевод, но это то же самое выражение, что и раньше. И затем в стихе 21, без пощады. NIV переводит без жалости к этим трем выражениям.

Итак, это тоже взято из пророческого пророчества. Итак, с разных точек зрения говорят, что пророчество исполнилось на ваших глазах. Речь идет сейчас об Иудее, жилища Иакова разрушены.

Твердыни дочери Иуды — это оборонительные крепости на границах Иуды. А затем его низвергли на землю, позоря королевство и его правителей. Эта королевская нация, которой правил король на протяжении стольких веков, теперь погибла.

В стихе 3 он в лютом гневе сокрушает всю мощь Израиля. Буквально это рог, и NIV сохраняет этот буквальный перевод, но я не уверен, что это будет означать для читателя. Но рог — это метафора.

Он взят у дикого быка, который сражался со своим врагом, другим диким быком. И когда он поверг врага, он поднял свой рог и рев. И поднятие рога означает его торжествующую силу.

Далее в этой главе мы обнаружим, что это понятие было использовано, когда мы в конце концов к нему подошли. Да, в стихе 17 он превознес мощь ваших врагов. В буквальном смысле Он воскрес, вознес рог ваших врагов, как диких волов.

Ах, мы победили, мы победили. И Бог несет ответственность за это метафорическое поднятие рога. И затем мы обнаруживаем более близкое, более личное участие Бога, можно сказать, в стихе 4: он натянул свой лук, как стрелу, и поставил правую руку, как враг.

Он убит. Он здесь лучник. Он убит всех, кем мы гордились в шатре дочери Сиона, всех наших лидеров, религиозных и политических, и все они мертвы. Он излил свою ярость, как огонь.

Господь стал как враг. Он разрушил Израиль, разрушил все его дворцы. Мы вернулись, у нас был тот шатер дочери Сиона, это город.

Мы вернулись к разговору о Сионе, но теперь главная тема Иуды возвращается в 5-й главе. Разрушен Израиль, разрушены все его дворцы. Мы думаем о дворцах как о королевском слове, Букингемском дворце, но о лучше отреставрированных особняках, которые богатые люди построили для себя, о больших сооружениях, хорошо защищенных сооружениях, которыми Иуда был полон — и превратил в руины свои крепости, умноженные в дочери Иуды. траур и плач.

Это упоминание о траурном поведении завершает этот первый небольшой раздел от 1 до 5, эту реакцию траура. Потом начинаем снова, но здесь концентрируемся только на Сионе с 6 до 9. Он разбил свою будку, как сад. Шатер, а затем скиния в следующей полустроке являются архаическими отсылками к храму.

А здесь он свою будку разбил, как огород, смысла особого нет. На самом деле это своего рода стенографическое выражение, как садовая будка, как будка в саду, как хлипкая конструкция, которую можно найти в саду. Он сломал это; эта прочная конструкция храма разрушила его храм.

Господь упразднен на Сионе, в праздниках и субботе. Итак, это действительно утрата того религиозного поклонения, которое существовало так долго, так много веков. И в своем яростном негодовании отвергаются царь и священник.

Мы все еще имеем в виду религиозные службы, и король иногда принимал участие, играл свою роль в религиозных службах. Вот почему он упоминается вместе со священником. И мы продолжаем этот религиозный образ мышления в стихе 7. Господь пренебрег Своим жертвенником и отрекся от Своего святилища.

Он отдается в руки врага, к стенам ее дворцов. Эти огромные особняки были не только разбросаны по Иудее, но и являлись неотъемлемой частью Иерусалима. В доме Господнем поднялся шум, как в праздничный день.

В этом есть горькая ирония, потому что храм был шумным местом во время храма, когда шли службы. Храмовые хоры пели бы, а прихожане выкрикивали бы в ответ аллилуйя, но теперь все изменилось. Но шум все еще есть, но уже страшный шум, хриплые крики вражеских войск.

Итак, в конце есть иронический контраст и сравнение. А затем в стихе 8 Господь решил разрушить стену дочери Сиона. И это то, что стих 17 будет развивать дальше.

Когда мы подходим к стиху 17, мы можем оглянуться на стих 8 и увидеть, что это определение является Божьим планом, Божьим замыслом, Божьей целенаправленной работой, о которой Он уже объявил Своему народу. Мы подождем и увидим это толкование в стихе 17. Он протянул веревку.

Он не удержал руку свою от разрушения. Протяжение линии здесь является метафорой обозначения осужденного имущества, которое должно быть снесено. И несколько раз в Ветхом Завете оно используется.

И Бог установил этот маркер, ту желтую ленту, о которой мы могли бы сказать, а затем, за этой точкой, произойдет разрушение. И в стихе 8 мы повторяем это, одно из ключевых слов стихов с 1 по 5. Он призывает вал и стену скорбеть, и они томятся вместе. Вал, внешняя стена, а затем более прочная внутренняя стена.

И они все упали. Стены были снесены. Таким образом, вавилоняне могли броситься в город после 18-месячной осады.

А если говорить о той катастрофе, то ее ворота провалились в землю. Он разрушил и сломал ее решётку. Обычно на воротах стояла решетка, но теперь эта решетка была разрушена.

Итак, ворота можно было взломать. Ее царь и князья среди народов. Другой большой потерей было то, что они были изгнаны вместе с другими иудеями.

Руководства больше нет. Здесь, во второй части стиха 9, мы говорим об утрате лидерства. Царь и князья, царские чиновники, их больше нет в Иерусалиме.

Руководства больше нет. Это буквально Тора, но в смысле наставления, наставления, которое обычно дают священники. Итак, священнического наставления нет, потому что священников больше нет.

И наконец, пророки не получили видения от Господа. Нет никаких свежих пророческих откровений. Итак, происходит потеря лидерства, трех типов лидерства больше нет.

И затем, в стихе 10, мы возвращаемся к траурному поведению в случае бедствия в ответ на такое бедствие. Старейшины Дочери Сиона молча сидят на земле. Они посыпали свои головы пылью.

Они надели вретище, очень похожее на утешители Иова в конце второй главы, которую мы читаем в нашем первом видео. Это траурные мероприятия. В нем участвуют старейшины, а также молодые девушки иерусалимского возраста и пола, объединенные общим горем.

Юные девушки Иерусалима склонили головы до земли. И эта ассоциация с землей во многом была частью скорби в древнем мире. В стихе 11 мы видим ответ самого наставника.

В стихе 10 он говорил о реакции других людей в Иерусалиме, а теперь дает свой собственный ответ. И это в слезах, в смысле слез. Мои глаза заплаканы.

У меня сводит желудок. Это психосоматическая реакция. Моя желчь выливается на землю.

Меня рвет. Я так расстроен из-за уничтожения моего народа. И вот эмпатия этого наставника.

Он согражданин тех, кого буквально уничтожили, и тех, кто остался. Затем он приводит пример того, что причинило ему боль, особенно младенцев и младенцев, теряющих сознание на улицах города. И он вспоминает ту ситуацию осады.

И взрослые могли бы жить дольше. Их тела были более развитыми, но подросткам, младенцам и младенцам не хватало выносливости, чтобы справиться с необходимым голодом и лишениями. И поэтому он вспоминает об этом как об ужасном: страданиях этих младенцев и младенцев и отсутствии еды, которую можно было бы им дать.

И об этом говорится далее в стихе 12. Они взывали к своим матерям. На самом деле все это должно быть в прошедшем времени, потому что ситуация плача происходит после осады, после взятия Иерусалима, но она оглядывается назад на ту ситуацию осады.

Они кричали своим матерям: где хлеб и вино? Как они теряют сознание, как раненые на улицах города, когда их жизнь изливается на груди матери. Где хлеб и вино? Мы могли бы сказать, где хлеб и вода, но запасы воды кончились. И все, что вы могли искать, это то, что было в шкафу для хранения вещей.

Ну и что осталось? Что ж, надеюсь, там найдется немного вина, чтобы они могли выпить. Могут быть и такие; это буквально зерно, зерно, а хлеб через некоторое время гниет, но зерно, где зерно и вино? Это буквальное значение. И его предметы хранения могут все еще оставаться в этой голодной среде.

И они теряют сознание, как раненые. Раненые — это жертвы войны, солдаты, сражающиеся, но это побочный ущерб, который страдают эти дети в этом предполагаемом городе. И все, что могут сделать их матери, — это крепко держать их на руках, пока они умирают.

Итак, в стихах с 13 по 17 наставник обращается к Сиону. Сейчас он говорил о Сионе, об Иудее, но теперь он говорит о Сионе. Он поворачивается к женщине рядом с ним и разговаривает с ней во время литургии.

Что я могу тебе сказать? Что сравнить с тобой? С чем сравнишь тебя, дочь Иерусалима? Чему могу уподобить Тебя, чтобы утешить Тебя, девственная дочь Сион? Как бы ни было велико море, твоя погибель, кто может исцелить тебя? И он ошеломлен. Он говорит, насколько он потрясен всей этой трагедией. Он говорит примерно так же, как сама Сион в 1:12, где она говорила об уникальности своего горя.

Есть ли какая-нибудь печаль, подобная моей скорби, которая обрушилась на меня? И он улавливает эту нотку уникальности, которую он не может описать.

Он не может адекватно сравнить это с чем-либо, что ему известно. Это так плохо и так экстремально.

И он говорит: как бы обширно ни было море, твоя гибель, кто может исцелить тебя? И он говорит о масштабном характере катастрофы. Это как океан. Это как Средиземное море.

Он слишком велик, чтобы уместить его в голове. Но в еврейском мышлении есть еще один фактор: море часто используется метафорически. И это говорило о хаосе.

Это символ хаоса. И это подхватывается в Откровении, начале первой главы Откровения. Моря больше не было, и настал конец хаосу в человеческих делах.

Итак, море имеет больше преимуществ, чем мы думаем. Это хаотичная, совершенно хаотичная ситуация, которую невозможно исцелить, невозможно помочь и преодолеть.

И тут возникает вопрос вины. Но теперь это особая вина. Ваши пророки видели для вас ложные и обманчивые видения.

Они не разоблачили ваше беззаконие, чтобы восстановить ваше состояние, но увидели для вас ложные и вводящие в заблуждение предсказания. Ряд пророков до плена относятся к другому типу пророков, который нравился Иерусалиму. О да, ваши пророки, пророки, которых вам нравится слушать.

Вам не нравится слушать, как мы говорим о разрушении, но другие пророки говорили о мире и утешении. Не волнуйся. И мы иногда называем их пророками шалома.

Все будет хорошо. Бог на нашей стороне. Вы не верите этому? Просто верьте в Бога.

Все будет хорошо. И о покаянии никогда не было речи. Этим пророкам нет нужды говорить о покаянии.

Не имело значения, если грех не вошел в их пророческий горизонт. Итак, они принесли неправильное сообщение. И именно их слушал Сион.

Они были теми самыми. И у Иеремии особенно много пророчеств против этих пророков. Итак, именно они лежат в основе вины, увеличивают причину и увеличивают вину до такой степени, что им не помогло это так называемое пророческое откровение, которое на самом деле было не от Бога.

Оно не разоблачало ваши беззакония, как это делали истинные пророки. И это было одной из причин разорения. Это говорит о вине перед траекторией, которая следует за горем перед траекторией.

Но была и вторая причина, вторичное страдание унижения. И это происходит в стихе 15. Все проходящие по дороге рукоплещут тебе.

Они шипят и качают головами у дверей Иерусалима. И мы возвращаемся теперь к тому, что говорил Сион, так сказать о проходах мимо разрушенного города еще в 112 году. И наставник подхватывает это.

И здесь он говорит об их насмешках и об этом шипении, и трясении головами, и хлопанье в ладоши. В разных культурах жесты означают разные вещи. И, очевидно, в этом контексте имеется в виду издевательство и насмешка над Иерусалимом.

И вот этот второстепенный фактор. Бедствие стало клеймом, над которым люди могут смеяться. И это сыпет соль на раны Сиона, и ему становится труднее его переносить.

И затем, в конце 15-го стиха, тот ли это город, который был назван совершенством красоты, радостью всей земли? Это ожидание, которое не оправдалось. Это богословие Сиона. И часть этого — цитата из песни Сиона, радости всей земли в 48-м псалме.

А во втором стихе говорится о горе Сион как о радости всей земли. И это вполне мог быть текст, на который ссылались пророки Шалом. И это совершенство красоты встречается в соседнем Псалме, не в песне Сиона, но в мотиве песни Сиона.

Псалом 50, во втором стихе, Сион назван совершенством красоты, совершенством красоты. Да, это Божий город. Это город, которым доволен Бог.

Но вся эта сионская теология, то ожидание, которое, я почти уверен, приняли лжепророки, оказалось ошибочным. И это ожидание, которое не оправдалось. И очень часто горе связано с отказом от ожиданий, от которых человек зависел и которому приходилось учиться жить без них.

И эта насмешливая нотка продолжается в стихе 16. Извините, мне пора получить свое, нет, со мной все в порядке. У меня там часы.

В стихе 16 есть продолжение насмешек и унижений. Все враги твои откроют уста против тебя. Они шипят, скрежещут зубами, плачут, мы ее сожрали.

Ах, это тот день, которого мы так жаждем. Наконец-то мы это увидели. И это теперь враги-разрушители.

И это победители. Они присоединяются к этому унижению и насмешкам, к этому вторичному типу страдания, как победители. И они думают, что это все, что они делают.

И их ссылка на тот день, это день, которого мы так жаждем. Ах, что ж, наставник и Сион говорили о дне Господнем. Мы думали, что это Бог.

О, это мы, говорят завоеватели. Это наш день, наш великий день, который мы планируем. И мы несем ответственность.

Итак, это самопоздравление. Миссия выполнена. Это день, которого мы так жаждем.

Наконец-то мы это увидели. Это было долго, но мы сделали это, войска, мы сделали это. Итак, это их реакция.

Но затем стих 17 проясняет ситуацию. Господь сделал то, что задумал. Он выполнил свою угрозу, как и предназначил давным-давно.

И то, что здесь говорится, является правдой, какой ее видел наставник. Что настоящий день был днем Господним. И эта цель, эта угроза относится к пророкам и дню, упомянутому там Господом.

И так, как он предназначил, давно, еще с середины VIII века, были пророческие свидетели грядущего разрушения как Северного царства, так и Южного царства. И вот это случилось. Итак, здесь это ссылка на прошлое пророческое откровение.

Его снесли без жалости, без пощады. И снова эта ключевая фраза заимствована у пророков, высказанных здесь. Он заставил врага радоваться о тебе.

стоит Бог. Враг радуется о тебе, но за ним стоит Яхве как причина бедствия. И он превознес мощь ваших врагов.

Он поднял рог ваших врагов. И именно он позволил им одержать такую победу. Итак, в конечном итоге ответственность несет Бог, а не враги человечества.

И именно это означали стихи с 1 по 8, когда Бог был субъектом всех этих глаголов разрушения. И стих 17 объясняет, что Бог определил еще в стихе 8. Итак, стих 17, в котором так много отголосков предыдущей части этой главы,

является разъяснением ранней части стихотворения. Все стихи с 18 по 22 связаны с молитвой.

И в стихах 8 и 19 наставник по-прежнему говорит и продолжает говорить с Сионом. Но теперь он призывает Сион помолиться скорбной молитвой. А затем, с 20 по 22, мы придем к молитве Сиона.

Но прежде, начиная со стиха 18, воззови к Господу, стена дочери Сиона. Здесь олицетворение стены Сиона. И эта разрушенная стена призвана скорбеть.

И это начиная со стиха 8, где есть олицетворение вала и стены. Он призывает вал и стену скорбеть. Они томятся вместе.

Но они не только скорбят, оплакивая свое горе. Теперь им также предстоит принять участие в молитвенном причитании. Итак, он берет стих 8 и говорит: нам нужно пойти дальше, чем погребальный плач. И нам нужно перейти к стене, а вам нужно перейти к молитвенному причитанию.

Но в дальнейшем это совершенно очевидно относится к самой дочери Сион. Пусть слезы текут потоком день и ночь. Не давай себе передышки, не давай своим глазам, себе не отдыхай, своим глазам не давай передышки.

Итак, молитва поможет найти корень проблемы. И это стих 19, этот крик к Господу так необходим. Молитва доберется до корня проблемы.

Оно будет касаться того, кто причинил горе. И поэтому именно он способен справиться с проблемой, сам Бог. Бог — тот, к кому можно отнести боль.

И это горе должно выражаться не только в устной речи, но и эмоционально в этом неконтролируемом плаче, продолжающемся и продолжающемся как выражение горя. Но затем мы переходим к молитвенному аспекту в 19. Встаньте, воззовите в ночи в начале стражи.

Ночные часы делились на различные дежурства. Это первая стража ночи, когда другие люди думают лечь спать и заснуть. Ну, продолжайте, продолжайте кричать.

Излейте свое сердце, как воду, пред лицом Господа в вашей молитве. Поднимите к нему руки за жизни ваших детей. Затем, оглядываясь назад на тех, кто падал в обморок от голода в начале каждой улицы, оглядываясь назад на ту ситуацию голода во время осады, улавливая собственное горе наставника и говоря: не только дело в горе, но и отнесите это горе Богу.

И этот подъем рук, это были руки, это был жест, подкрепляющий слова молитвы. Еще в 1 главе и 12 стихе было это обращение к прохожим, в 17 стихе 1 главы наставник описал Сион, протягивающий руки, но этот горизонтальный призыв теперь пришлось дополнить вертикальным обращением и поднятием рук Богу. И он вспоминает этих детей, умерших от голода во время блокады, менее способных выдержать лишения, чем окружающие их взрослые.

А затем, с 20 по 22, Сион действительно молится и служит образцом для подражания для собрания. Именно таким путем должна идти община. Да, они тоже должны прийти к скорби, но также и принести свое горе Богу.

А в период с 20 по 22 мы имеем пять примеров травматических страданий. И мы можем дать такой обзор, прежде всего, что в стихе 20 должны ли женщины есть свое потомство, детей, которых они рожают? Это будет рассмотрено в главе 4 и стихе 10 и развито дальше. Но произошло то, что дети умерли, как мы уже видели в этой главе, а остальные члены семьи, оставшиеся без еды, сами использовали эти трупы в качестве еды, чтобы выжить, о чем ужасно думать. , но это был единственный способ выжить остальным.

Но это один из примеров травматического страдания. А затем, в конце 20-го стиха, следует ли убить священника и пророка в святилище Господнем, как это произошло при захвате Иерусалима вавилонянами? В результате этого двойного святотатства в святилище были убиты и убиты религиозные лидеры. А потом в начале 21 года всеобщая резня старых и молодых, молодых и старых валялись на земле на улицах.

И затем четвертый пример — убийство молодых мужчин и молодых женщин, чтобы они не смогли прожить остаток своей естественной жизни. Мои молодые женщины, мои молодые мужчины пали от меча. И наконец, в конце 22-го стиха, думая о детях, никто не спасся и не выжил, когда вавилонские войска ворвались в Иерусалим.

Те, кого я родила и вырастила, мои враги уничтожены. И тех детей, которые не умерли от голода, убили; многие из них были убиты вражескими солдатами после падения города. Итак, это последний трагический пример.

Итак, мы поднимаем совершенно другой аспект проблемы разрушения Иерусалима, раскрывая травмирующее содержание всего этого. Итак, это начинается в стихе 20. Посмотри, Господи, и подумай, кому Ты это сделал? И возникает мысль: как могло такое случиться с Иерусалимом, городом Божиим, находящимся в особом отношении к Богу? Этот поворот событий — это слишком много, и Иерусалим, из всех городов, должен был бы пострадать таким образом.

В этой молитве мы обнаруживаем, что есть два разных образа мышления. Существует напряжение, которое Сион выражает здесь, и это напряжение, которое собрание должно, в свою очередь, почувствовать и преодолеть его. Это столкновение двух противоположных восприятий ее трагедии.

Одно — это восприятие ее разума, а другое — восприятие ее внутренних чувств. И прежде всего, у нее есть своего рода познавательное восприятие. Да, она способна мыслить рационально.

Да, она признает, что Яхве несет ответственность за разрушения. Во многих отношениях это согласуется с пророчеством, существовавшим до изгнания. И это согласуется с тем божественным негативным вмешательством, о котором мы читаем в пророческих оракулах.

И вот, в 21, в последнем разделе, вы убивали их, устраивая резню. Вы убили их, это божественное негативное вмешательство, как в оракулах катастрофы. И затем, во-вторых, он снова встает на сторону пророчества, существовавшего до изгнания, и связывает его с днем Господним.

Потому что опять же, в стихе 21, в день гнева твоего ты убил их. И вот в 22 году день гнева Господня. Так что да, опять же, здесь есть связь с пророчеством до изгнания.

И затем, возвращаясь к стиху 21, безжалостно, мы видим, что эта нота до изгнания звучит эхом. И еще в 20b есть кое-что, на что нам следует обратить внимание. И это ссылка на Второзаконие.

Возвращаясь к Второзаконию, мы видим здесь упоминание о том, что женщины едят свое потомство, буквально плод своего чрева. И это тоже взято из 28-й главы Второзакония. Итак, в Торе есть подтверждение того, что произошло.

И вот мысленно можно воспринять произошедшее и сказать этому аминь. Но также есть эмоциональное восприятие. И это тоже порождает борьбу, борьбу между разумом и сердцем.

Сион должен одновременно выразить свою реакцию на всепоглощающий ужас кризиса, который бросает вызов ожиданиям. И эти старые ожидания не оправдались, но были ужасно перечеркнуты новыми ужасными событиями. И Сион здесь повторяет то, чему научилась у наставника.

И она молится об изложении двух его собственных реакций ранее в этом стихотворении. В 1-8 и 17 годах было рациональное восприятие, когнитивное восприятие, божественное негативное вмешательство. Господь сделал это соответственно, и Я сделаю это в пророческих оракулах.

И затем день его гнева в первом стихе, да, день Господень, день гнева Господня — это Софония и Амос, как сказал Софония. И тогда, без пощады и без жалости, как и говорили пророки, да. Сион пошел еще дальше, добавив еще одну ссылку Торы на 28-ю главу Второзакония в стихе 20 в дополнение к тем, которые были добавлены наставником и самой Сионом в первой главе.

Но тогда у наставника было еще и эмоциональное восприятие, с которым он не мог справиться. И это было в стихе 11. И далее в стихе 13: огромная, как море, — ваша погибель.

Итак, сам наставник осознавал это напряжение, этот вызов, эту борьбу между рационализацией произошедшего, с одной стороны, и попыткой справиться с этим эмоционально, с другой. И что может сделать Сион? Сиону велено принести эту борьбу в молитве к Богу и посмотреть, что произойдет. В следующий раз мы будем изучать первую часть третьей главы.

И я хочу, чтобы вы внимательно прочитали стихи с первого по шестнадцатый третьей главы «Плача».

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это пятая сессия, Плач 2:1-22.